БАЛЕТ

РОМАНТИЗМ
И XX ВЕК

ТАК можно озаглавить новую программу Московского классического балета. Здесь встретились образцы романтизма прошлого столетия и произведения постановщиков наших дней. Первые представлены фрагментами спектакля «Натали, или Швейцарская молочница», реставрированного на столичной сцене Пьером Лакоттом. Участники «Свадьбы Натали и Освальда» — А. Сердюк, И. Терентьев, С. Белорыбкин, Е. Гильфанова, В. Храпов — преодолели трудности стилистики и техники старинного шедевра и провели всю сцену на должном профессиональном уровне. Однако справедливости ради заметим, что без Екатерины Максимовой Натали утрачивает свое неподражаемое очарование и наивность...

Между первым и вторым отделениями проходит не время антракта, а целая история развития балетного театра, история смены принципов эстетики и поэтики условнейшего из искусств, история смены балетмейстерских устремлений. Так возникает впечатляюще — резкий контраст между романтизмом 1830-х годов и хореографией XX века.

Последняя представлена произведениями Ролана Пети и Мориса Бежара. Оба хореографа любезно разрешили Азарию Плисецкому перенести на советскую сцену свои сочинения. В свое время даровитый танцовщик, он в течение десяти лет был единственным партнером Алисии Алонсо в «Национальном балете Кубы». Он же — автор талантливых балетов «Первый концерт» на музыку Сергея Прокофьева и «Песня жизни» на музыку Густава Малера. Плисецкий ассистировал и преподавал в брюссельском «Балете XX века» и в «Марсельском балете». Он вернулся на родину с уникальной коллекцией видеозаписей зарубежных балетных спектаклей. Но как бы ни была тонка видеолента, даже столь достоверного документа мало для успешного исхода работы.

Тут надобно и живое проникновение в контрастные, почти взаимоисключающие манеры балетмейстеров, истинное педагогическое мастерство наставника: вкус, такт, способность передать молодым исполнителям тончайшие, трудно уловимые и трудно воспроизводимые пластические оттенки каждой миниатюры.

Каждый номер сам по себе относительно невелик. Но возобновитель хореографии и его юные единомышленники — актеры смогли создать содержательное, развернутое, полное мысли и действия зрелище. Так, полнится чувством холодноватый геометризм бежаровского «Опуса № 5» на музыку Веберна в индивидуальном прочтении двух дуэтов — Г. Шляпиной и А. Горбачевича, О. Павловой и И. Терентьева.

Словно сама жизнь, с ее коллизиями и страстями, врывается на сцену в отрывке из бежаровского спектакля «Победители». Странное, прихотливое соединение вокальных

фрагментов оперы Вагнера «Тристан и Изольда» с индийскими фольклорными напевами становится музыкальным фоном трагических, значительных характеров, воплощенных В. Тимашовой и В. Трофимчуком. Их герои будто движутся сквозь препятствия, бури, неодолимые расстояния — к встрече. Есть нечто глубоко трогательное, а вместе с тем величавое в этой финальной встрече, в том, как герой уводит героиню к свету, к солнцу, к гармонии.

Удивительно преображаются те же самые исполнители в шутовом, комедийном, жизнерадостном «Чорос», сочиненном Роланом Пети на музыку Вилла Лобоса. Тимашова с Трофимчуком, кажется, состязаются в мгновенной импровизации все новых и новых озорных танцевальных реплик, окрашенных в тона испанской пляски.

И «Чорос», и лирически-ясная «Соната» на музыку Цезаря Франка из спектакля Ролана Пети по мотивам «Погони за утраченным временем» Пруста в тщательном и лиричном прочтении Т. Лавровой и В. Касацкого образуют выразительный контраст с балетмейстерским почерком Бежара. По-новому прозвучал на раз исполненный на Международных московских курсах исполнителями из Франции и с Кубы фрагмент «Бахти».

Плисецкий восстановил не только экзотичный дуэт, но и исключительно важные здесь танцы антуража. Шесть солистов образуют подвижный орнаментальный фон, полный настроения торжественного, почти ритуального. Этим же отличается и исполнение «Бахти» Т. Палий и О. Соколовым. Достоинно внимания чувство меры, какого добились молодые артисты.

СТРОГОСТЬ, благородство интерпретации, классическая чеканка, «прорисовка» линий — вот качества, привнесенные Е. Максимовой в большой бежаровский дуэт из «Ромео и Юлии» на музыку Берлиоза. Балерина появилась в заключительном номере концерта, и публика была наконец вознаграждена за отсутствие максимовской Натали в начале вечера.

— Всегда исключительно чуткая к партнеру, отзывчивая на малейшие изменения пластических подробностей, актерских реакций танцовщика, с Исаевым — Ромео Максимова оказалась совсем иной, нежели прежде в дуэте с прославленным В. Васильевым. Ромео в истолковании Исаева подчеркнуто молод, даже несколько инфантилен, хрупок, незащищен, наивен. Все перечисленные свойства произвольно возникли и в танце Максимовой, превращенном балериной в истинную поэму чувства юного, бессмертного. Таков был достойный финал всего вечера.

Программа укрепила связи между хореографией России и Франции. Позволила еще раз убедиться в талантливости коллектива, возглавляемого Н. Касаткиной и В. Васильевым.

Е. ЛУЦКАЯ.